

ИСТОРИЯ

УДК 094(4)“375/1492 + 316.61

М. А. Поляковская

МИР ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОЙ БЮРОКРАТИИ*

Византийская бюрократия имела уходящие в эпоху домината традиции. В эпоху Палеологов, когда империя переживала глубокий экономический и политический кризис, бюрократия являлась тем каркасом, на котором еще держалось общество. Поздневизантийская система централизованного управления, создавая иллюзию наличия в империи сильной власти, представляла собой закрытую корпорацию, в которую входили аристократы, бюрократы и интеллектуалы. Эти группы, образующие социальную триаду, были глубоко диффузированы между собой, о чем определенно свидетельствуют материалы просопографии. Церемониальные «спектакли», в которых каждодневно участвовали люди власти, имели целью поддерживать идею богатства и могущества империи.

Ключевые слова: поздняя Византия, чиновная лестница, бюрократия, аристократия, интеллектуалы, церемониалы.

Византийской государственности с самого начала ее существования были присущи черты, наличием которых можно характеризовать цивилизованные государства: высокая степень централизации, сложившаяся бюрократия, кодифицированное право. Центром империи была олицетворяющая собой всю страну ее столица — Константинополь, соединявший все нити государственного управления. Центром же Константинополя был императорский дворец со своим социальным миром, четкой системой взаимоотношений в придворных кругах, представленных знатью и высокими должностными лицами. Дворец василевса был символом Константинополя, а Константинополь — символом империи:

* Статья подготовлена в рамках проекта «Поздневизантийский церемониал как форма трансляции идеи могущества империи в условиях ее кризиса» при поддержке РГНФ (грант № 09-01-00158 а) и проекта «Византийская империя в периоды расцвета и упадка: политическое и социокультурное измерение» (ГК 02.740.11.0578).

не случайно современники иногда называли Византию Константинополитанией [см.: Fenster, 315, 318, 321, 324].

Наличие значительного по численности и весу в обществе слоя бюрократии было традиционным для Византии [см.: Поляковская, 156–157, примеч. 4]. По справедливому мнению Г. Г. Литаврина, Византийская империя — это «единственная страна классической бюрократии в средневековой Европе» [Литаврин, 122]. Продолжавшая традиции эпохи домината византийская государственно-административная система, представленная армией чиновников, была строгим образом регламентирована и опиралась на сформулированный в гражданском кодексе правопорядок. Претерпевая с течением веков изменения, находившийся в Константинополе аппарат государственного управления всегда являлся основой исполнительной ветви власти. Даже в «темные века» (VII–VIII столетия), когда произошло сокращение числа чиновников на фоне переживаемого страной кризиса переходного периода, значимость Константинополя как центра бюрократии сохранилась. Власть префекта претория сменилась властью епарха столицы. Создание в этот период многочисленных логофисий в конечном итоге, вопреки логике фемной реформы, привело к росту бюрократического аппарата, а затем и к упрочению централизации управления.

С приходом к власти Македонской династии (867–1056) наступила другая эпоха — «Age of Recovery and Consolidation» империи и государственного управления [см.: Kazhdan, 1991, 346], что означало, среди прочих проявлений, упрочение империи через изоцированную систему налогообложения. Ко времени Льва VI Мудрого, когда была введена табель о рангах чиновников, значительно увеличилось количество центральных ведомств (до 60). Высшие 12 ступеней были представлены титулованной знатью.

По замечанию Г. Вайса, исследовавшего социальную категорию чиновничества по сочинениям имевшего опыт общения с этой средой Михаила Пселла, для Византии XI–XII вв. нельзя найти аналога среди европейских стран по численности бюрократического аппарата [см.: Weiss, 155, 162]. В системе центрального управления страной существовало 18 рангов чиновников, но в этой иерархии, отнюдь не закреплявшей внутренние деловые связи среди чиновников корпуса, каждый из чинов зависел от василевса. Дворец, а не ведомство был центром бюрократического мира. Тенденция руководить страной из Константинополя сохранилась вплоть до IV Крестового похода 1204 г., когда империя рухнула вместе со своей системой центрального управления.

А как обстояло дело с государственным управлением в поздневизантийскую эпоху? Г. Г. Литаврин полагал, что реставрированная после нескольких десятилетий латинского владычества Византийская империя переживала «бюрократический недуг» [см.: Литаврин, 123]. Однако недуг был скорее присущ прежде всего самому государству, что проявлялось во всех сферах политики и управления.

По выражению Г. Вайса, страна представляла собой *Kleinstaat* [см.: Weiss, 155]. При Палеологах (1261–1453) Византия потеряла значительную часть своих земель и находилась в условиях чрезвычайно сложной внешнеполитической ситуации. Государственная власть была слаба, императоры выделяли в управление

своим сыновьям-деспотам часть территорий в качестве апанажей. В такой ситуации чиновничество было неким «каркасом», на котором держалась система власти. Реставрированная империя воссоздала бюрократическую систему управления из константинопольского дворца. Хотя территория государства в поздневизантийский период была ничтожной по сравнению с предшествующей историей страны, амбиции же были прежними. Государственный аппарат наряду с управленческими функциями выполнял и репрезентативные, внушая численностью чиновников [см.: Raybaud] ощущение стабильности, надежности и порядка в стране. Обладание должностью для любого образованного человека было желанным, поскольку именно должность давала ему авторитет и особую социальную весомость.

Основным источником для изучения структуры поздневизантийской бюрократии является сочинение Псевдо-Кодина «О титулах и должностях» [см.: Pseudo-Kodinos], относящееся к середине XIV в. Вся чиновная лестница была представлена в обряднике Псевдо-Кодина 80 ступенями [см.: Guiland, 1967, 233–283]. Проведем классификацию византийских придворных архонтов преимущественно по их участию в церемониале, избегая выделения классификационных ступеней, как это принято [см.: Piltz], на основании различий их парадного костюма.

Псевдо-Кодин перечисляет все титулы ($\tau\alpha\ \acute{\alpha}\xi\iota\omega\mu\alpha\tau\alpha$) и должности ($\delta\ \acute{\omicron}\phi\acute{\upsilon}\lambda\iota\omicron\iota$) единым списком, без членения на разряды. На основании церемониальных функций представителей первых трех ступеней выделим их в придворную элиту: деспоты, севастократоры и кесари. Перед коронацией василевса деспоты, севастократоры и кесари держали щит, на котором поднимали инаугурируемого [см.: Pseudo-Kodinos, 256.6–10]. В праздник Рождества Христова они отдельно поздравляли императора в его покоях [см.: Ibid., 212.4–14]. Деспот, севастократор и кесарь особо выделены среди архонтов на выборах патриарха [см.: Ibid., 219.11–13]. Отличают представителей придворной элиты и их должностные обязанности, несомненно, парадного, номинального характера — командование войском, что являлось особенно почетным. Значимость этих трех ступеней иерархии подчеркивается также и наличием в обряднике специальных глав, посвященных введению деспотов, севастократоров и кесарей в должность. Все перечисленное дает нам основание отнести носителей названных титулов к придворной элите.

Особо значимым в элитной группе был титул деспота [см.: Guiland, 1959, 52-89; Guiland, 1967; Ферjanчи], 1960; Ченцова, 26–38], поскольку он давал его носителю самый высокий после императора статус. Возникший еще в XII в. титул жаловался членам императорской семьи, прежде всего сыновьям, а также зятям и братьям. У сыновей, несмотря на равенство титула, были несомненные преимущества перед другими деспотами. Этот титул предполагал в будущем возможность стать императором. Носители титула обычно имели апанажи — Фессалонику, Мистру, Монемвасию, Морею, Селимврию, Веррию. Титул деспота мог жаловаться и правителям соседних государств, связанных с империей как союзническими, так и родственными (через браки дочерей императора) отношениями.

Просопография этой элитарной группы в эпоху Палеологов имеет весьма репрезентативный характер. Следует заметить, что плотность просопографической информации может служить индикатором знатности человека или группы. Титул деспота и уделы в управлении имели обычно сыновья императора. Политическая же судьба давала в будущем императорскую власть одному из них. Из пяти сыновей Андроника II Палеолога от двух браков (с Анной Венгерской и Ириной Монферратской) Михаил IX стал соправителем, а Константин, Иоанн и Димитрий носили титулы деспотов. Воцарившийся Андроник III, имевший от двух браков (с Ириной Брауншвейгской и Анной Савойской) двух сыновей, передал власть соправителя Иоанну V, а Михаил остался деспотом [см.: *Prosopographisches Lexikon*, № 21437, 21485, 21521]. Из четырех сыновей Иоанна V Палеолога в соправители сначала был определен старший, Андроник IV, а Мануил, Михаил и Феодор стали деспотами [см.: *Ibid.*, № 21438, 21460, 21513, 21522]. Деспотами были также Матфей и Мануил, сыновья Иоанна Кантакузина, тестя и соправителя Иоанна V Палеолога (причем Матфей стал соправителем Иоанна VI). Таким образом, на нескольких примерах из истории семей Палеологов и Кантакузинов можно видеть, что титул деспота был несомненно почетным.

Севастократоры занимали вторую ступеньку в категории титулов, означавших принадлежность к придворной элите. Титул севасторатора [см.: Ферјанчић, 1970, 255—269] ведет свое начало от эпохи Комнинов. Алексей I Комнин специально создал этот титул (от слов *сeвaст* и *aвтoкpaтop*), чтобы почтить старшего из братьев, что делало его вторым после императора. Введенный при Комнинах титул сохранился до конца жизни империи, но при Палеологах носители его уступили деспоту право быть первым после императора. Обращение к просопографии носителей этого титула свидетельствует, что планка знатности здесь гораздо ниже, чем у деспотов. Лишь некоторые из сыновей василевса, прежде чем получить титул деспота, были севастораторами. В число носителей этого титула входили члены родственных Палеологам фамилий — Комнинов, Ангелов, Дук, Асанов, а с середины века и Кантакузинов. Можно вспомнить севасторатора Андроника Асана, сына Мануила Комнина Рауля Асана и Анны Комнины Дукины Палеологины Асанины, бывшего воспитанника Иоанна VI Кантакузина, а затем и активного его сторонника [см.: *Prosopographisches Lexikon*, № 1487]. Среди севастораторов мы встречаем и названных Псевдо-Кодином [см.: *Pseudo-Kodinos*, II, X] Иоанна Асана и Мануила Комнина Рауля Асана, позднее поднявшихся до титула деспота [см.: *Prosopographisches Lexikon*, № 1499, 1506]. Членом императорской семьи был Димитрий Кантакузин, севасторатор в 1357—1383/84 гг., являвшийся сыном Матфея Кантакузина, соправителя Иоанна VI Кантакузина, и Ирины Палеологины [см.: *Ibid.*, № 10961].

Титул «кесарь» [см.: Guiland, 1947, 168—194] ведет свое начало со времен домината, когда он предназначался молодому императору, стоящему по своему рангу ниже августа. В XI в. кесарем становился обычно императорский сын, но при Алексее I Комнине этот титул был сдвинут на второе место после севасторатора. При Палеологах он занял третью ступеньку в иерархии после деспота и

севастократора. Судя по просопографическим данным, кесарями могли быть родственники правящей фамилии. Можно вспомнить в качестве примера кесаря, позднее ставшего севастократором, Константина Дуку Ангела Комнина Палеолога [см.: *Prosopographisches Lexikon*, № 21498]. Титулом кесаря могли обладать представители близкой к престолу знати, такие как Мануил и Алексей Ангелы Филантропины [см.: *Ibid.*, № 29750, 29771]. Однако внутри элиты, судя по просопографическим данным, уровень знатности падает от одной ступени к другой.

Посвящению в должность деспота, севастократора и кесаря отведены специальные главы (8-я, 9-я) сочинения Псевдо-Кодина. Расположение глав — они идут сразу же за разделом о короновании василевса (гл. 7-я) — обращает на себя внимание, являясь индикатором значимости носителей этих титулов. При всем сходстве церемонии возведения в сан носителей элитных титулов, ритуал инвеституры деспота, однако, выделен в отдельную главу и описан более детально, что также свидетельствует о некоторых оттенках градуирования статусов внутри придворной элиты.

Вслед за придворной знатью шли чины, которые, по Псевдо-Кодину, делились на два разряда, или класса. Тот класс архонтов, которым была предоставлена честь первыми поздравить императора и, в свою очередь, быть им поздравленными на приеме в честь Рождества Христова, назван автором обрядника первым разрядом архонтов (ἡ πρώτη τάξις τῶν ἀρχόντων). Архонты первого разряда входили на церемонию не одновременно, а четырьмя группами. Последуем за текстом церемониальной книги и разобьем первый разряд архонтов на четыре группы соответственно последовательности их появления на церемонии. Итак, это следующие четыре группы: I — от великого доместика (4)¹ до великого стратопедарха (10); II — от великого примикирия (11) до паракимомена покоев (17); III — от логофета геникона (18) до великого друнгария флота (32); IV — от примикирия двора (33) до логофета тон агелон (49).

Обратимся к первой из четырех групп первого разряда чиновников. Она представлена в обряднике семью ступенями архонтов (4–10). Все они имели добавление к должности («великий») либо приставку («пан»/«прото»): великий доместик [см.: *Guiland*, 1967, 405–425], паниперсеваст, великий дука [см.: *Ibid.*, 547–551], протостратор [см.: *Ibid.*, 483–490], великий логофет и великий стратопедарх [см.: *Ibid.*, 502–513]. Если оценивать принадлежность к группе по родовитости её представителей, то можно заметить, что грань между элитой и ними четко не выражена. В первой группе мы видим среди прочих также родственников правящей династии. Правда, это не сыновья василевса, как в группе деспотов, а представители более скромных родственных связей. Среди них можно назвать брата Михаила VIII Палеолога — великого доместика Иоанна Комнина Дуку Ангела Палеоло-

¹ В скобках указывается порядковый номер занимаемой чином ступени (в нашем исчислении) на должностной лестнице, описанной Псевдо-Кодином.

га [см.: *Prosopographisches Lexikon*, № 21487], племянника Михаила VIII — протовестиария Михаила Палеолога Тарханиота [см.: *Ibid.*, № 27505], зятя Андроника II — великого доместика Феодора Ангела Комнина [см.: *Ibid.*, № 12102], племянника Андроника II — великого дуку Палеолога Филантропина Комнина Сиргианниса (находившегося в родственной близости и с Иоанном Кантакузином) [см.: *Ibid.*, № 27167]. В самом обряднике также отмечена возможность родственных связей с василевсом в первой группе архонтов. Так, в 4-й главе трактата содержится такой фрагмент: великий доместик «обращается к племяннику императора, паниперсевасту...» [см.: *Pseudo-Kodinos*, 215.9—15]. По наличию родственных связей с императором великого доместика, паниперсеваста и протовестиария можно причислить к верхушке первого класса. Родственники императора, обладатели названных чинов, довольно быстро проходили по ступеням должностной карьеры. Так, великий доместик Иоанн Комнин Дука Ангел Палеолог войдёт позднее в придворную элиту, став деспотом: статус брата императора позволял ему это. Михаил Палеолог Тарханиот, прежде чем стать великим доместиком (4), прошёл должностной путь от протосеваста (13) до великого примикирия (11) и затем до протонотария (6), чтобы стать великим доместиком.

Помимо родственников императора в состав первой группы первого разряда входили представители родовитых фамилий — Ангелов, Асаней, Дук, Комнинов, Кантакузинов, Палеологов, Раулей, Тарханиотов. В качестве примера можно назвать великих доместиков Андроника Палеолога Кантакузина [см.: *Prosopographisches Lexikon*, № 10957], Иоанна Ангела Комнина Палеолога Кантакузина [см.: *Ibid.*, № 10973], Димитрия Палеолога [см.: *Ibid.*, № 21455], Алексея Рауля [см.: *Ibid.*, № 24109], паниперсеваста Исаака Палеолога Асана [*Ibid.*, № 1494], Иоанна Палеолога [см.: *Ibid.*, № 21479], протовестиариев Иоанна Комнина Дуку Ангела Петролифа Рауля [см.: *Ibid.*, № 24125], Феодора Дуку Палеолога Комнина Синадина [см.: *Ibid.*, № 27120] и др. Заметим, что высокая знать была представлена в большей степени на первых трех ступенях (из семи) должностной лестницы в пределах первой группы первого разряда. Архонтами первой группы довольно часто становились правители различных областей империи или дружественных с ней территорий. Зачастую эти должности носили почетный характер, не связанный с выполнением каких-либо должностных функций. К примеру, чин великого доместика имел правитель Ахейи [см.: *Ibid.*, № 4359] паниперсевастами были правители Эпира, Хиоса, Фессалии, Фессалоники [см.: *Ibid.*, № 10617, 13184, 21479]. Среди протовестиариев можно назвать правителей Янины, Лариссы, Эпира, Фракии [см.: *Ibid.*, № 1723, 19836, 21206, 27120]. В число архонтов первого класса (как, впрочем, и более низких групп) можно было попасть не только через родственные, но и через дружеские связи. Так, некий Стефан Хрелис [см.: *Ibid.*, № 30989] во время распри между Андроником II Палеологом и его внуком, будущим императором Андроником III, поддержал последнего и получил должность великого доместика, а затем даже вошел в придворную элиту, став кесарем. Лев Калофет [см.: *Ibid.*, № 19617], бывший другом Иоанна Кантакузина, получил почетную должность — сначала протосеваста (13), а затем паниперсеваста (5).

Вероятнее всего, все четыре группы первого разряда (по нашей классификации) также представляли сановников, хотя и меньшей значимости, чем высший разряд. Весомость чина определялась последовательностью групп внутри разряда. Что же касается архонтов второго разряда, судя хотя бы по просопографическому материалу, они не были высокими сановниками. Внутри разряда значимость того или иного чина определялась уровнем занимаемой им ступени в иерархической лестнице. Чиновники ниже 49-й ступеньки иерархической лестницы не разделены автором трактата на какие-либо группы. В этот разряд входили архонты от великого диерминефта (50) до конца списка. При описании Псевдо-Кодином их инсигний, участия в церемониальных действиях и их должностных функций (чаще — их отсутствия) чувствуется снижение «веса», а также бóльшая «периферийность» последних представителей иерархической чиновной лестницы от ступени к ступени, особенно к концу списка.

Должностным обязанностям архонтов посвящена глава 3 сочинения Псевдо-Кодина [см.: Pseudo-Kodinos, 167—184], однако не будем их здесь рассматривать в полном объеме. По всей вероятности, автор не был достаточно осведомлен в этом вопросе, и его информация не производит впечатления в полной мере достоверной. В отношении многих чинов он вообще замечает, что их обладатели к моменту написания обрядника утратили свои прежние должностные обязанности. Несомненно лишь, что функции высших чинов были связаны преимущественно с высшими военными и административными функциями. Великий domestik был главой сухопутной армии. В его службе Псевдо-Кодином названы эпитатустрату (29), великий друнгарий стражи (24), великий аднумиаст (46). Во главе военного флота империи стоял великий дука. Под его началом находились великий друнгарий флота (32), амиралий (43), протокомит (75), друнгарий (76). Протостратор был главой императорской конюшни, и в этом качестве он принимал участие и в военных кампаниях [см.: Ibid., 168.1—27]. Великий стратопедарх был главным интендантом византийской армии [см.: Ibid., 174.10—13]. Таким образом, в состав первой группы первого разряда входили представители высшего командования империи.

Представитель высшей административной должности — великий логофет [см.: Ibid., 174.1—9] — был ответствен за императорскую документацию и внешнеполитическую переписку. Великие логофеты нередко выходили из учёной среды. Так, Константин Акрополит [см.: Prosopographisches Lexikon, №: 518, 520], сын известного писателя Георгия Акрополита, имел, как и его отец, должность великого логофета. Феодор Метохит [см.: Ibid., № 17982], писатель и учитель известного учёного Никифора Григоры, через многие должностные ступени поднялся до должности великого логофета. Его сын Никифор Ласкарис Метохит [см.: Ibid., № 17986] также стал великим логофетом. Накануне падения империи должность великого логофета занимал известный писатель Георгий Сфрандзи [см.: Ibid., № 27278]. В целом, участие интеллектуалов во власти, кроме должности великого логофета, было значительным.

Существовали также должности, которые носили сугубо почетный характер и изначально не были связаны с какой-нибудь службой. Это касалось всех

севастов — севастократора (2), паниперсеваста (5), протосеваста (13) и просто севаста (77). Эти титулы и чины представляли явную синекуру. Впрочем, это характерно и для высших военных и административных чинов, которые часто носили декоративный характер.

В отличие от должностных функций, Псевдо-Кодином детально расписаны церемониальные права и обязанности титулов и чинов. Презентация императорской власти в основном имела церемониальную аранжировку: дворцовый церемониал выполнял важную функцию трансляции идеи могущества империи и незыблемости власти василевса. Назовем лишь ключевые фигуры в пространстве поздневизантийского церемониала. Распорядителем церемониала был великий примикирий (11). В его службе находились примикирий двора (33), великий заусий (37), проталлагатор (55). Заметную роль в церемониальной жизни двора играл протовестиарий, в ведении которого находился императорский гардероб. Поскольку церемониал тесно связан с ритуалом костюма и переодеваний василевса в ходе продолжительных «театрализованных» действий, понятно, что протовестиарий курировал одну из важнейших сфер обеспечения дворцовых праздников. В службе протовестиария находился естариу (62), обеспечивавший ритуалы смены одежды во время выходов из дворца, поездок и походов. Под началом протовестиария находился и прокафимен опочивальни (60). Как в любом монархическом государстве, быть спальником правителя считалось весьма почетным [см.: Элиас]. Хотя сама эта ступень в должностной иерархии не была высокой, однако статус архонта, присутствовавшего в «святая святых» — спальне василевса, был престижным.

Важной составляющей придворного церемониала были парадные обеды. Здесь доминирующими фигурами были пинкерна-виночерпий (14) и доместик трапезы (20), прислуживавший императору за столом, а также ранжировавший гостей по их достоинству на парадных обедах. Доместику помогал в ходе императорских обедов эпистипезис (21).

Как при всех монарших дворах Европы и Востока, в Византии одним из любимых видов отдыха, носивших церемониальный характер, была псовая и соколиная охота. Ответственным за службу по организации императорской охоты был протокиниг (41). Почётной обязанностью протокинига был ритуал подачи императору стремени перед началом охоты. Если во время охоты на императорской одежде появлялись пятна крови, протокиниг получал эту одежду в дар от василевса [см.: Pseudo-Kodinos, 183.6–19]. Под началом протокинига находились стрелки-скюломанги [см.: Ibid., 183.5–6]. На соколиной охоте главой лучников-сокольничих являлся протоиеракарий (48) [см.: Ibid., 184.10–11]. Значительной в рамках церемониала была служба конных выездов императора, которой заведовал протостратор (18).

Стиль поведения чиновников в мире власти можно наблюдать по сочинениям политика и ученого XIV в. Димитрия Кидониса. Отдельные замечания Кидониса, иногда горькие, а порой саркастические, дают возможность воспроизвести наиболее характерные черты, присущие миру чиновников. Разумеется, он был далеко не беспристрастен в своих оценках, но тем не менее это был взгляд «изнутри» этого мира.

Сам Димитрий Кидонис стал первым министром в 23 года только благодаря тому, что Иоанн Кантакузин был лично знаком с его отцом, погибшим во время выполнения дипломатической миссии. Если бы Кидонис не был сыном своего отца, находившегося в дружеских отношениях с будущим императором, та высокая образованность, которой отличался Димитрий, не смогла бы наверняка все же обеспечить ему должностную карьеру. Начало карьеры Димитрия Кидониса сложилось вполне по-византийски: всё определили личные связи, подогретые безмерными похвалами со стороны претендента. Сразу заняв высокий пост *месадзона* (премьер-министра), Димитрий Кидонис ощутил по отношению к себе со стороны придворных явные проявления соперничества в ожидании благосклонности императора. Одни поговаривали, что Кидонис слишком молод и неопытен для той роли в придворном мире, которую ему отвел василевс [см.: Mercati, 360.33–36]. Находились и те, кто тайком стремился очернить молодого месадзона перед императором; ощутив же, что правитель по-прежнему поддерживает Кидониса, «они тотчас же меняли позицию на защитников и уходили, восхваляя» его [см.: Ibid., 369.91–97]. Значение императорского покровительства оказывалось сильнее всех припасенных для этой ситуации аргументов. Обстановка двуличия, когда из врага можно было превратиться в доверенное лицо, по Кидонису, была присуща придворным кругам. Месадзон откровенно пишет в одном из писем другу: «...те, кто обхаживал двери врагов и бросал им наши города, сейчас... посвящены в государственные сделки и называются “ушами императора”» [Démétrius Cydonès, 64.55–70]. Шокирующая обстановка подхалимства и неискренности была хорошо знакома Димитрию Кидонису. Придворные зачастую не имели своего мнения и были готовы ежечасно менять свои суждения в угоду тому, кому они служат. В письме, посланном Кидонисом из Константинополя во Фракию секретарю императора летом 1352 г., автор замечает по этому поводу: «Вы живете отнюдь не из собственного соображения, а руководствуясь в своих действиях капризами правителей» [Ibid., 42.36–38]. В этом же письме Кидонис приводит отражающий самые негативные стороны психологии придворной среды пример: «Пока судьба хранила нам место у императора, вы хвалили нас в многочисленных речах, но так как он удалился, и эта перемена как будто скажется и на нашем положении, оно, видимо, не может оказаться постоянным, а ваша ревностная симпатия по отношению к нам должна резко измениться на ее противоположность. Поэтому вы сегодня молчите, а завтра, быть может, вы станете даже дурно говорить обо мне; ведь вы непременно это сделаете, если гнев императора продолжится... Если же император меня не отвергнет, тогда для всех вас существует повод любить меня» [Ibid., 42.40–45, 71–72]. Комментируя этот тезис, Ф. Тиннефельд очень точно назвал этот фрагмент письма примером «византизма в Византии» [см.: Demetrios Kydones, 217].

В бюрократическом мире взаимоотношения без соответствующих подношений были немислимы. Один из адресатов Димитрия Кидониса, некий Кассандрин, намекал на возможность получения адресатом, являвшимся первым министром, богатств как от императора, так и в связи с тем, что «все должны доказывать свое почтение месадзону подарками» [Démétrius Cydonès, 50.23–32].

Правда, Кидонис, отшучиваясь, что все сейчас стали беднее, предпочитал не развивать эту тему, но известно, что в византийском чиновном мире взятка могла открыть любые двери.

Будучи в течение долгого времени чиновником высокого ранга, Димитрий Кидонис предельно темными красками рисовал жизнь «ближнего круга» власти, полагая, что слушать об их жизни можно только с содроганием, пожелав подобную судьбу лишь врагам. Месадзон сравнивал придворных с рабами, соперничающими из-за первенства и считающими себя свободными [см.: Démétrius Cydonès, 72.6–16]. Будучи хорошо знаком с закулисной жизнью императорского двора, он называл ситуацию при дворе «рынком для болтовни и угодничества» [Ibid., 114.10–11]. Саму службу императору Димитрий Кидонис воспринимал как подавление личности: «Во всем насилие: тебе не позволяют позавтракать, когда ты хочешь; после ужина ты не можешь лечь спать, но должен бежать к архонту — по грязи и сквозь глубочайшую темноту, постоянно поскальзываясь и проклиная родителей за то, что они не заставили тебя лучше стать ремесленником» [Ibid., 50.16–18].

Итак, бросив взгляд на мир византийской бюрократии XIV в., можно на основании приведенного просопографического материала сделать вывод, что в поздневизантийскую эпоху имела место заметная аристократизация общества [см.: Matschke, Tinnefeld, 18–32], и прежде всего а р и с т о к р а т и з а ц и я б ю р о к р а т и ч е с к о й в е р х у ш к и. Фамильные имена, начавшие складываться в эпоху Комнинов (и позднее), при Палеологах были представлены большими семейными группами. Родовитость в первые 90 лет палеологовского правления приобрела особое значение и была признаком преемственности в обществе, что было важно после нескольких десятилетий латинского владычества [см.: Ibid., 54–55]. К середине XIV в. аристократия была доминирующей общественной силой (не обретшей, однако, каких-либо юридически закрепленных привилегий). Представители аристократических фамилий, имевшие по 3–4 патронима, обладали собственностью как в городе, так и в сельской местности, но наиболее почетно и выгодно было иметь высокую должность при дворе. Хотя некая грань между аристократами и бюрократами ощущалась, однако взаимопроникновение этих двух больших социальных групп в пределах их верхних «этажей» было несомненным. Элита поздневизантийского общества формировалась из аристократии, которую одновременно можно отнести к «правлящему классу» (*the ruling class*) [см.: Kazhdan, McCormick, 157–172].

Бюрократическая верхушка эпохи Палеологов — элита и первая группа первого разряда — имела четкие черты семейственности. Обратившись к просопографическому материалу, мы видим, что по крайней мере пять верхних ступеней (деспот, севастократор, кесарь, великий доместик, паниперсеваст) были заняты родственниками или свояками императора — сыновьями, братьями, зятьями. Всех тех, кто находился наверху иерархической лестницы, условно можно назвать с е м ь е й. Именно семья олицетворяла высшее управление страной.

Близким к этому явлению в состоянии верхних этажей государственного управления можно назвать к л а н о в о с т ь, когда около десятка высоко-

поставленных семей, связанных брачными и родственными связями (в том числе и с императорской семьей), обеспечивали себе более или менее стабильное положение в нестабильном византийском мире. Сложные имена (Иоанн Асан Торник Дука Ангел Палеолог Рауль Ласкарис Филантропин, Мария Палеологиня Комнина Вранина Ласкарина Дукиня Торникина, Михаил Филантропин Комнин Ласкарис Вриенний [см.: Prosopographisches Lexikon, № 1502, 21396, 21778] и под.) были желанны и являлись предметом гордости представителей фамильных кланов.

В мире чиновников всех этажей власти ценилась такая форма взаимоотношений, как дружба (ἡ φιλία). Личные связи и определяемые ими услуги были вполне реальной ситуацией в мире бюрократии. Дружеские связи были своеобразным «теневым» институтом, порождавшим протекцию, неоправданные льготы, а также продвижение по служебной лестнице.

Для социального поведения, характерного для мира бюрократии в поздневизантийскую эпоху, судя по приведенным выше фрагментам из сочинений Димитрия Кидониса, отнюдь не понаслышке знавшего этот мир, были характерны протекция через использование дружеских связей и знакомств, взятки и подношения в надежде на благосклонность вышестоящего чиновника, безмерная лесть в адрес правителя в ожидании повышения по должностной лестнице, соперничество между отдельными архонтами и наушничество как один из путей стать «любимчиком» и занять место «под солнцем» императорской власти.

Что касается социального соотношения «бюрократия — аристократия», следует заметить, что в Византии XIV в. по сути дела была стерта социальная граница между аристократией и бюрократией, граница, которая четко просматривалась в раннепалеологовский период, когда аристократия формировалась из клана, близкого к императорскому двору, правящей династии [см.: Matschke, Tinnefeld, 32—54]. После гражданских войн середины XIV в., которые закончились для аристократии тяжелой — пирровой — победой [см.: Ibid., 56], бюрократия уже не была ориентирована только на аристократические слои.

Обратившись к сюжету «бюрократия — интеллектуалы», отметим, что ни одна из ведущих стран средневековой Европы, достигнув стадии централизованности, не знала столь насыщенной концентрации интеллекта во властной среде, как в Византийской империи [см.: Поляковская, Чекалова]. Близкие к верхам власти византийские интеллектуалы, либо кормившиеся от должности, либо, не имея ее, ожидавшие от правителя щедрот, были заражены духом сервизма. Откровенное низкопоклонство было одной из наиболее характерных черт «византинизма» в среде интеллектуальной элиты. Болезни бюрократии не могли не распространиться на писательскую среду, близкую к власти. Одновременно интеллектуалы оставляли за собой право на критику власти. Димитрий Кидонис — очевидный пример той раздвоенности, которая характерна для круга интеллектуалов-бюрократов.

Поздневизантийская бюрократическая среда предстает пронизанной традиционными ее пороками, которые, пожалуй, можно отнести к любому периоду существования бюрократии в условиях крайне централизованного государства, если не вспомнить, что всякий шаблон в истории имеет свою темпо-

ральную и локальную окраску. Разумеется, для оценки требуется исторический контекст, в котором эти проявления морали подвергаются соответствующей модификации.

Названные три группы (бюрократы, аристократы и интеллектуалы) были настолько диффузированы, что порой одно и то же лицо можно отнести сразу ко всем трем группам. Несмотря на проявления взаимного отталкивания, эти группы представляли довольно замкнутую корпорацию, некое сообщество, которое А. Грабар назвал «мужским братством» с ярко выраженной иерархией [см.: Grabar, 2007]. В акорпорированном византийском обществе эта структура, обладая самодостаточностью, жила своей, оторванной от остального общества жизнью. Представители верхних этажей власти не сомневались, что именно их деятельность несет стране стабильность и благополучие. Причем именно бюрократия как орудие власти в руках императора была наиболее адекватным выражением социальной значимости этой триады «бюрократия — аристократия — интеллектуалы».

Чиновная лестница XIV в. отражает традиции византийского центрального управления, сложившиеся в предшествующие времена. Менялись век от века и иерархия отдельных титулов, и деление чинов на разряды по их весомости, появлялись новые названия тех или иных должностей. Но традиционно городом власти, городом бюрократии был Константинополь.

В статье не поднят вопрос о значимости церемониальных функций чиновничества. А между тем в поздневизантийское время именно церемониал был тем соединительным стержнем, на котором держалась вся структура центрального управления страной; 80-ступенчатая лестница архонтов с их большими или меньшими функциями (или без оных) составляла основу всех церемониальных «спектаклей»: здесь были и «главные герои», и актеры «на вторых ролях», и «массовка». Архонты нижнего разряда преимущественно играли роль «статистов», но в самых торжественных актах они зачастую не принимали участия, представляя такую категорию, как «народ», если это требовалось по церемониальной ситуации. Ощущая себя членами сообщества, участники традиционного ритуала прославления императора и императорской власти [см.: Treitinger; Kantorowicz] полагали, что именно их деятельность несет стране стабильность и благополучие. Дворцовые каждодневные ритуалы, главными исполнителями которых были представители власти всех рангов, по сути дела транслировали ту политическую идеологию, которая в условиях кризиса была ориентирована на идею стабильности и благополучия империи.

Литаврин Г. Г. Одиннадцатое столетие — «золотой век» византийской бюрократии // Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1992. С. 122—134.

Любарский Я. Н. Михаил Пселл: личность и творчество : к истории византийского предгуманизма. М., 1978.

Поляковская М. А., Чекалова А. А. Интеллектуалы и власть в Византии // Византийские очерки. М., 1999 С. 5—24.

Поляковская М. А. Византийская чиновная лестница в эпоху Палеологов // Поляковская М. А. Византия, византийцы, византилисты. Екатеринбург, 2003. С. 156—177.

- Скабаланович Н.* Византийское государство и церковь в XI веке от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. СПб., 1884.
- Ферјанчић Б.* Деспоти у Византии и јужнословенским земљама // Посебна издања Српска Академија наук и уметности. 336. Београд, 1960.
- Ферјанчић Б.* Севастократоры и кесари в Српском царству // Зборник Филозоф. Фак., 1970. Т. 2. С. 255—269.
- Ченцова В. Г.* К вопросу о титуле «деспот» в Морее : (интерпретация фрагмента из «Истории» Георгия Пахимера) // Господствующий класс феодальной Европы М., 1989. С. 26—38.
- Элиас Н.* Придворное общество : исследование по социологии короля и придворной аристократии [Введение: Социология и история]. М., 2002.
- Démétrius Cydonès.* Correspondance / publ. par R.-J. Loenertz (Studi e Testi 186, 208). Città del Vaticano, 1956—1960.
- Demetrios Kydones:* Briefe / übers. und erl. von F. Tinnefeld. Bd. 1—2. Stuttgart, 1981—1991. (Bibliothek der griechischen Literatur, 12, 16, 33).
- Failler A.* Les insignes et la signature du despote // REB. 1992. Vol. 40. P. 171—186.
- Fenster E.* Laudes Constantinopolitanae : (Miscellanea Byzantine monacensia, 9). München, 1968.
- Grabar A.* Pseudo-Codinos et les cérémonies de la cour byzantine au XIVe siècle // Art et société à Byzance sous les Paléologues. Actes du Colloque organisé par l'Association Internationale des études byzantines à Venise en septembre 1968. Venise, 1971. P. 195—221.
- Guilland R.* Le Césarate // OCP. 1947. Vol. 13. P. 168—194.
- Guilland R.* Le despote // REB. 1959. Vol. 17. P. 52—89.
- Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. Amsterdam, 1967. Vol. 1—2.
- Kantorowicz E.* The King's two Bodies: A Study in Medieval Political Theology. Princeton, 1957.
- Kazhdan A.* Byzantium // The Oxford Dictionary of Byzantium. N. Y. ; Oxford, 1991. P. 345—362.
- Kazhdan A. P., McCormick M.* The Social World of the Byzantine Court // Byzantine Court Culture from 829 to 1204 / ed. by H. Maguire. Washington, 1997.
- Matschke K.-P., Tinnefeld F.* Die Gesellschaft im spätem Byzanz: Gruppen, Strukturen und Lebensformen. Köln ; Weimar ; Wien. 2001.
- Mercati G.* Notizie di Procoro e Demetrio Cidone, Manuele Caleca e Teodoro Meliteniota ed altri appunti per la storia della teologia e della letteratura bizantina del secolo XIV (Studi e Testi 56). Città del Vaticano, 1931.
- Piltz E.* Le costume officiel des dignitaires byzantins l' époque Paléologue. Uppsala, 1994.
- Pseudo-Kodinos.* Traité des offices / trad. par J. Verpeaux. P., 1976.
- Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit.* Wien, 1976—1994. Т. 1—12.
- Raybaud L. P.* Le gouvernement et l'administration centrale de l'Empire byzantin sous les premiers Paléologues (1258—1354). P., 1968.
- Treitinger O.* Die oströmische Kaiser — und Reichsidee. Jena, 1938.
- Weiss G.* Oströmische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Psellos (Miscellanea Byzantina monacensia 1). München, 1873.

Статья поступила в редакцию 31.03.2010 г.